XXX Советский строй изменил судьбы людей

„Мы уже не те русские, какими были до 1917 года, и Русь у нас уже не та, и характер у нас не тот. Мы изменились и выросли вместе с теми величайшими преобразованиями, которые в корне изменили облик нашей страны."

(А. А. Жданов).

Семья Митрофановых

Хата была неказистая, честно говоря, развалина, а не хата, но вид у нее был не жалкий, а, пожалуй, даже независимый и немножко задиристый: соломенная шапка набекрень, одной стеной она оперлась на костыль и смотрит на улицу чистыми, ясными окнами. Поглядишь на нее, и сразу раскроется судьба ее обитателей: жизненные потрясения, несбывшиеся мечты и бедность. Но не та бедность, когда люди опускаются, а достойная бедность честного труженика, который боролся до последнего и теперь еще имеет силенку, да вот приложить ее больше некуда. Потерял, видно, человек свою точку.

У крыльца склонилась над корытом Татьяна Степановна. Рядом играют дети.

— Поди, Сашутка, до соседей, пошукай отца,—говорит она сыну.

Посредине соседского двора стоит, закинув голову в синее небо, Никита Митрофанов—Сашуткин отец. В руках у него шест с тряпицей. А в безоблачном небе купаются, кружатся, плывут белоснежные птицы—голуби. Хорошо! И не важно, что смеются соседи над безногим чудаком-инвалидом и частенько бранится Татьяна Степановна.

— Брось, мать,—примирительно говорит жене Никита Фролович,— не серчай, не лишай последней радости...

В 1913 году смазчику Никите Митрофанову отрезало поездом ногу. На работу больше его не взяли, здоровье уходило с каждым днем и, совсем больной, он с трудом дотянул до 1920 года. Когда Татьяна Степановна с ребятами вернулась с кладбища, в хате и было только что стол, да кровать.

А ребят малых—трое.

Как жить?

Окажись семья трудового человека в таком положении раньше, до революции, одна ей дорога—с сумой. Много обездоленных бродило тогда по российским шляхам...

Но иначе сложилась судьба семьи Митрофановых—время было уже другое, советское. Хозяином ему стал простой человек.

Хозяином... Александр Никитич Митрофанов, тот Сашутка, что когда-то вместе с отцом гонял голубей, сидит за столом в новом просторном доме, в кругу своей дружной семьи.

Кто не знает его на Курском узле—лучшего токаря механического цеха депо, его, который за 10 месяцев выполнил больше трех годовых норм? Как не знать, все знают. Уважаемый человек!

... Вскоре после смерти отца Александр Митрофанов поступил в депо учеником токаря. Вот он принес матери первую получку и степенно сказал:

— Братишки теперь пускай школу не бросают. Выучатся, в люди выйдут. Слышишь, мать?

Все было хорошо и просто. Братья Иван и Георгий учились. Александр работал, и с каждым годом росло его мастерство. Его посылали туда, где нужны были умелые руки и где одних рук было мало, а нужно было еще горячее сердце. И он вкладывал его в работу, и радовался, что все лучше и легче жить, что вон какие мощные паровозы идут по дорогам и что кругом, куда ни глянь, поднимаются новые фабрики и заводы.

— Было так, будто кто-то большой и сильный вел меня за руку все выше и дальше, — говорит Александр Никитич,—и чем дальше я шел, тем больше видел, и все хотелось увидеть еще и еще.

Он поехал на далекую сибирскую станцию Шилка, токарем паровозного депо.

Вы бывали в Сибири, читатель? Течет быстрая речка Шилка, звенит по камням, и прислушайся — динь-бом, динь-бом... Кандальный звон! Встают из могил тени замученных борцов с самодержавием... Не за наше ли с тобой счастье, читатель, приняли они смертные муки?

А выйди вечером в степь, и голубые сопки окружат тебя. Они темнеют дальше и сказочные, с серебристыми контурами, как в сиянии, опоясывают темный и звездный горизонт.

Александр полюбил Сибирь. Закончив работу, усталый он выходил в степь, здесь встречали его пугливые гураны и куропатки шарахались из-под ног.

Вернувшись в Курск, он построил красивый дом, тот, что и теперь стоит непоколебимо, как крепость советской семьи, где все гармонично и цельно и каждый друг другу —друг.

Дом на улице Фрунзе. Жили здесь до войны и Александр с женой, и его братья Иван и Георгий, и всем было вольготно и радостно.

Началась война. Иван и Георгий Митрофановы были призваны в Красную Армию защищать Родину.

Родину они чувствовали глубоко, во всем ее многообразии и величии. Вот как сказал на прощанье Иван:

— Родина подняла нашу семью. Она и в бою не покинет нас.

Родина не покинула братьев в бою. Она дала им богатырскую необоримую силу. Иван и Георгий Митрофановы с честью пронесли через великие битвы звание советских офицеров.

... Самолет, на котором летал капитан Иван Митрофанов, был подбит в воздушном бою под Берлином. Пришлось приземлиться на вражеской территории.

— Будем драться до последнего, — сказал капитан своим боевым товарищам.

Двое суток держали отважные летчики круговую оборону, не подпуская врага к самолету. Двое суток капитан Митрофанов не отходил от раскаленного пулемета. Когда силы оставляли его, он думал о Родине и каждый раз, когда обращался к ней своим сердцем, перед ним возникал образ его старой матери, и он шептал сухими, потрескавшимися губами:

— Мы защитим тебя, мать...

Это была сыновья клятва отчизне.

Отгремели бои, и братья вновь встретились в тихом доме на улице Фрунзе. Вот Иван Митрофанов. У него одиннадцать правительственных наград. За столом сидит Георгий—на его груди пять боевых орденов и медалей. Ждут с работы Александра.

Александр Митрофанов тем временем склонился над станком — обтачивает сложную деталь.

Резец мягко погружается в тугой металл. Звонкая горячая стружка отливает синевой.

— Музыкальные у тебя руки,— шутят товарищи, и в этой шутке есть много правды: нужно обладать тончайшими чувствами, чтобы не пропустить ту десятую долю миллиметра, которая может погубить деталь.

Митрофанов относится к труду возвышенно, поэтически.

Это новое, присущее только советским людям, воспитанное большевистской партией отношение к труду определяет все успехи знатного стахановца.

Большое волнение поднималось в груди Александра Никитича, когда он подходил к своему дому в тот памятный вечер. Он слышал голоса братьев и ласковый, вдруг помолодевший голос своей матери. Он остановился на крыльце и, не в силах побороть нахлынувших воспоминаний, предельно четко, почти осязаемо представил себе горькую судьбу своего отца, и полуголодную жизнь, которую влачила семья до революции, и старую хату, и слова отца о том, что теперь уже все равно никто не поможет, да и не откуда ждать помощи трудовому человеку.

— Жаль детей,—говорил тогда отец,—ведь их ожидает такая же постылая жизнь.

Александр Никитич стоял на крыльце своего большого, обжитого дома, в котором из каждого уголка веет уютом и достатком. Эх, не дожил ты, отец, до хороших дней!

К окну подошла его старая мать. Александр увидел ее, облитую мягким светом луны, счастливую и гордую. Он широко распахнул дверь и вошел в дом. Братья встали ему навстречу, а Татьяна Степановна не услышала и все смотрела в окно и говорила о том, что наполняло ее материнскую душу. Она говорила как раз то, о чем только что думал Александр.

— Запали мне в сердце, Ваня, твои слова,—говорила она,—что это Родина подняла нашу семью. Ты это перед уходом на фронт так хорошо сказал. В трудные годы войны все спрашивала я себя: а правильно ли, достойно ли мы живем? И думается мне, старой, что правильная у нас семья. Пусть не осудят меня добрые люди: горжусь я своими сынами. Да и как не гордиться—один офицер-летчик, второй инженер, третий стахановец знаменитый. Вы, сыны, и впредь не роняйте моей материнской гордости...

* * *

Яркое предпраздничное утро смотрит в окна дома на улице Фрунзе. Хорошее утро. Хрустит под ногами первый лед, а иней на крышах такой, что хоть зажмурься. Но уже тает, и большая сосулька с хрустальным звоном падает на промерзшую землю, и там вспыхивает сноп голубых и синих холодных искр.

Татьяна Степановна пришла проведать внука. Она гладит его по головке и говорит своим добрым голосом:

— И что же ты, Юрочка, дома сидишь в такое погожее утро? Пойди хоть голубей погоняй...

М. СТЕПАНОВ.

Труженик науки

Великий праздник, в преддверии которого стоит наша Отчизна, и, вместе с ней, все прогрессивное человечество, — это, прежде всего, торжество нового социалистического человека, чей общественный тип сформировался в труде и в боях за минувшие 30 советских лет.

В эти дни мы называем поименно славную сталинскую плеяду патриотов—работников Родины — неустанных ефремовцев, вырастивших небывалые урожаи, рабочих, техников, инженеров, возрождающих города и заводы, возводящих новостройки послевоенной пятилетки, учителей, врачей, мастеров искусства—всех, в ком полно воплотились лучшие большевистские черты нашего народа: ясность цели, настойчивость, жажда творческого труда, боевая спайка...

Среди этих людей в канун праздника заслуживает быть названным и наш коллега по институту, наш товарищ—хирург Анатолий Николаевич Глинский.

Работая ассистентом в клинике госпитальной хирургии, врач Глинский одним из первых написал кандидатскую диссертацию, успешно защитил ее и получил звание доцента.

Великая Отечественная война была суровым и всесторонним экзаменом для всего нашего народа и государства, для советской науки и ее людей. Именно в годы войны, особенно полно проявились черты советского гражданина — врача — ученого тов. Глинского. Всю войну он находился в передовом хирургическом отряде, оказывая помощь и спасая жизнь сотням воинов Советской Армии.

В мирных условиях А. Н. Глинский остался все тем же энергичным, трудолюбивым работником, энтузиастом своего дела. Он был одним из самых деятельных участников восстановления хирургической поликлиники областной больницы, ставшей теперь первоклассным лечебным, научным и методическим центром хирургической работы в нашей области.

Тов. Глинский один из многих советских ученых - большевиков, выращенных партией и социалистическим государством. Это—люди нового склада характера, с широким научным кругозором. Поставьте рядом медика капиталистического запада и нашего врача — какой разительный контраст. Даже у самых передовых представителей западно-европейской науки на всю жизнь в сознании остается глубокая травма погони за личной выгодой, стяжательства, барыша. «Золотой телец» убивает у ученых капиталистического запада любовь к простому человеку, стремление служить ему, выхолащивает из медицинской науки ее гуманистическое содержание. И рядом наш советский ученый, для которого целью и смыслом всей жизни является служение своему народу. Это дает ему полное и радостное удовлетворение, которого не знает и не может знать представитель науки капиталистического запада.

А. БРУМБЕРГ,
профессор Курского мединститута.
Н. ТУЛУПОВ,
ассистент.

Так бывает только у нас

— Я была батрачкой... Депутат Верховного Совета РСФСР председатель колхоза «Красное знамя» Суджанского района Татьяна Петровна Дьяченко рассказывает агитаторам села о том, как изменилась ее жизнь.
Фото Л. Егорова.

Великие исторические преобразования произошли в нашей стране за 30 лет советской власти. Великие перемены произошли и в судьбе многих миллионов простых людей, — большевистская партия, советская власть призвали их к творческому созидательному труду, открыли перед ними широкие пути к счастливой, радостной жизни.

Сегодня мы рассказываем, читатель, о том, как советский строй обогатил жизнь наших с тобой земляков. Их биографии типичны, их судьба — судьба всех честных тружеников. Где, в какой другой стране, при каком другом строе поднимался так высоко трудовой человек?

Только советская власть, только великая партия Ленина — Сталина сделали миллионы людей творцами своей счастливой судьбы, строителями первого в мире социалистического общества.

* *

Она росла вместе с Родиной

За стадом коров шла босая девочка. Пыль оседала на ее ресницах, на непокрытой голове. Проводив коров, бежала, спотыкаясь, чтобы не прогневить хозяев. Жила в постоянном страхе: как бы не отказали от места—ведь дома и без нее пять голодных ртов.

Что ожидало впереди эту маленьку батрачку? Нищета.

Но вот Октябрьская революция резко повернула судьбу трудового люда. Изменилась судьба и Натальи Васильевны Синицыной.

В 1928 году она вступила в партию. Это было незабываемым, самым волнующим событием в жизни Натальи Васильевны.

Шли годы. Росла и крепла прекрасная наша Родина, мужали и накапливали опыт большой государственной и политической работы вчерашние батраки и рабочие. Вместе со всеми росла и Синицына, поднималась со ступеньки на ступеньку.

30 годовщину Великого Октября Наталья Васильевна встречает уже будучи секретарем Волоконовского райкома ВКП(б) по кадрам. Она — политический руководитель, облеченный огромным доверием партии и трудящихся. Она честно служит своему народу, великому делу Ленина — Сталина.

Носитель передовой культуры

Первая встреча со сценой у Владимира Южанова превратилась и в первый конфликт: после того, как в гимназическом спектакле «Ревизор» он сыграл городничего, за ним укоренилось прозвище «артист». Называть «артистом» его стали не только товарищи, но и учителя. У них это звучало издевательски:

— А ну, артист, пожалуйте к доске.

Однако насмешки окружающих не убили у Владимира Александровича любви к театру. Желание стать актером осуществилось при советской власти.

Советская власть сделала В. Южанова носителем передовой культуры. И Владимир Александрович Южанов полностью отдался творческой работе. Правительство республики за заслуги в развитии советского театрального искусства присвоило В. А. Южанову звание заслуженного артиста РСФСР. Общественность Курска тепло отметила юбилей любимого артиста.

МЕЧТЫ И ЖИЗНЬ

Когда Василий Кислов поделился с отцом своими планами на будущее, тот безнадежно махнул рукой.

— Брось, Вася,—сказал он,—куда тебе в инженеры. Наше дело рабочее.

Отец не хотел сказать, что и у него была мечта увидеть своего сына образованным человеком. Но он очень хорошо знал, что мечтать рабочему человеку—бесполезно.

... Кипит работа на шахтах Курской магнитной аномалии. Заканчивается откачка воды. Работами руководит начальник строительства коммунист Василий Михайлович Кислов. Он—опытный инженер, окончивший Московский горный институт имени Сталина. На его груди—орден Трудового Красного Знамени. Вот как обернулась судьба потомственного рабочего.

ОТ БАТРАКА ДО ДИРЕКТОРА МТС

Знойный день. Пара сытых волов лениво таскает у речки тяжелый плуг. Пятнадцатилетний парнишка Михаил Болюков едва управляется и с тяжелым плугом, и с упрямыми волами, которые все время норовят выйти из борозды — манит их, видно, прохладная речная вода. Все-таки не удержал — ринулись волы вместе с плугом вниз и залегли на отмели. На беду оказался поблизости управляющий воронежского помещика Резникова, у которого батрачил Михаил. Он соскочил с лошади и с плеткой набросился на батрака.

Этот случай произошел более сорока лет назад. Он был не последним в жизни Михаила Петровича Болюкова, который до самой Великой Октябрьской социалистической революции тянул тяжелую батрацкую лямку.

После Великого Октября советская власть выдвинула бывшего батрака на пост директора эфиромасличного совхоза, а затем он стал директором Медвенской МТС, лучшей в районе.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ДЕЯТЕЛЬ

После революционных событий 1905 года молодой слесарь Порфирий Сухомлинов оказался выброшенным с завода, где он работал. Только через год удалось ему снова найти место на Харьковском заводе сельскохозяйственного машиностроения (ныне завод «Серп и молот»). А еще через год, в разгар столыпинской реакции, Порфирий Селиверстович снова оказался на улице. Это повторилось опять, когда он работал в Волчанском земском ремесленном училище.

Его, доброго, справедливого и человечного, готового всегда выступить в защиту прав рабочего, не взлюбили хозяева и мастера и всячески старались избавиться от него. Зато трудовой народ стоял за него горой.

После революции рабочие избрали П. С. Сухомлинова в заводской комитет рабочих депутатов, а в этом году они выдвинули его в депутаты Верховного Совета РСФСР. Избиратели Шебекинского округа единодушно отдали голоса за мастера механо-сборочного цеха Шебекинского машиностроительного завода Порфирия Селиверстовича Сухомлинова. Так простой рабочий стал государственным деятелем.

БОЛЬШОЙ ХУДОЖНИК

Отец и мать чуть свет уходили на работу. Саша оставался один и никому, кажется, не было до него дела. На плечи ребенка ложились большие заботы по хозяйству. И не было в то время вокруг него ни одного человека, который заметил бы его живой, наблюдательный ум и рано проявившийся талант.

Трудной дорогой пришел он в Харьковское художественное училище. Пришлось пройти через лишения, через голодные годы, грудью пробивать себе дорогу к любимому делу.

Но вот советская власть взяла его заботливо за руку и привела к большим вершинам искусства. Александр Дейнека получил командировку на учебу в Москву. Здесь его картины нашли общее признание. Окруженный народным вниманием и заботой, мужал талант большого художника.

Ныне наш земляк Александр Александрович Дейнека—один из крупнейших советских художников. Ему присвоено звание заслуженного деятеля искусств РСФСР. Он является действительным членом Академии художеств СССР.

Путь к науке

Трудно передать, как волновался перед экзаменами Алексей Бутылин, сын казанского грузчика. Шутка ли, 45 человек—мещанских и рабочих детей—держали экстерном экзамен на аттестат зрелости. Кому из них удастся получить заветный аттестат, открывающий дорогу к образованию, к науке, в будущее? Получили только пять, и Алексей в их числе.

Он готовился к этому дню в течение пяти лет, отрывая время от короткого отдыха—ведь кроме того нужно было помогать отцу содержать многочисленную семью.

Только блестящие знания и страстное желание учиться помогли Алексею Григорьевичу выдержать конкурсный экзамен в университет. И вот началась студенческая жизнь... Закончив день в университете, Бутылин вместе с такими же неимущими, но жадными до науки парнями шел по дворам — пилил и колол дрова, ради куска хлеба выполнял любую работу. Ему удалось закончить университет.

Советская власть открыла Бутылину широкую дорогу в науку. Сейчас доктор медицинских наук Алексей Григорьевич Бутылин заведует кафедрой акушерства и гинекологии в Курском медицинском институте. Свой богатый опыт ученого он передает студентам—детям рабочих, служащих, крестьян — тем, кому раньше был закрыт путь к образованию.

Отец и сын—герои труженики

35 лет до Октябрьской революции проработал ремонтным рабочим на Курском железнодорожном узле Алексей Семенович Шубин. 35 лет, как один день, прошли в тяжелом труде и беспросветной нужде.

При советской власти ярким солнечным лучом глянуло в семью Шубиных счастье. Алексей Семенович стал бригадиром ремонтников, и в 1926 году ему было присвоено звание Героя труда. Трудолюбие, унаследованное от отца, позволило далеко пойти его сыну Петру. Он без отрыва от производства занимался в профтехнической школе. Освоил специальность дежурного по станции. Потом его послали учиться в Москву в школу старшего командного состава при институте инженеров транспорта. Стал Петр Алексеевич Шубин начальником станции Курск и показал на этом посту свои незаурядные способности. Его заслуги высоко оценило правительство. Четыре года назад куряне с большой радостью и гордостью узнали, что их земляк удостоен высокого звания Героя Социалистического Труда. И вот уж сколько лет станция Курск под руководством П. А. Шубина идет в числе передовых станций страны.

Вера Афонина

Это было в тот недавний день, когда родилась ее слава.

Закончили сеять озимые, видят—солнце еще высоко, и давай свозить на поле навоз. Так и уложили почти два рабочих дня в один. Стемнело—кто куда: старухам и по дому забот хватает, а молодежь, переодевшись в чистое, уже прислушивается к баяну, что заиграл в клубе.

Звеньевая Вера Ивановна Афонина молода еще, лет тридцать ей, одинокая, домашних хлопот не много, а на преждевременное веселье не тянет ее что-то. Надев красного маркизета платье с черными цветами, сильно выгоревшее и полинявшее, и прицепив большие серебряные сережки к ушам, она направилась на ближний ток.

Там ночная смена как раз начала обмолачивать овес, собранный ее звеном. Машинист Иван Егорович Ишукин одной лишь левой рукой проворно направлял в гудящую пасть барабана сноп за снопом. Правая его рука не разгибается, перебита осколком мины в Брянском лесу, где он партизанил в войну. Двухсотсвечевая запыленная лампа, что висит высоко на столбе, распространяла голубовато-дымчатый неяркий свет.

— Сколько в час намолачиваешь, Иван Егорыч? — спросила Афонина.

Он повернул к ней свое темное от пыли лицо.

— Пять центнеров, не меньше!

И засмеялся, довольный.

Это значит, сорок центнеров за ночь. Хорошо! Интересно, сколько же всего окажется в стоге, собранном с трех с половиной гектаров? По плану ожидалось получить по двенадцати центнеров. А фактически? Афонина, впрочем, знает: будет несомненно вдвое больше. Как и яровой пшеницы. Но из всех зерновых культур, посеянных звеном, особенно порадовала ее рожь. Урожай невиданный: тридцать два центнера с каждого гектара! Тридцать два вместо тринадцати по плану! Уже все поздравляют Веру Ивановну: будет, будет она в этом году с наградой!

Она добивалась этого успеха еще в ту пору, когда в мокрень задабривала почву разными удобрениями, высевала отобранное вручную зерно, таскала по сугробам за три километра сосновые ветки, чтобы задержать снег, копала грядки, чтобы удержать талые воды, не раз подкармливала землю, бороновала, искусственно опыляла дружные всходы.

И вот, как это обычно бывает только в нашей стране, большой труд окупился сторицей. Колхозный счетовод уже насчитал около двухсот пятидесяти центнеров урожая, собранных звеном Афониной сверх плана, прикинув размер дополнительной оплаты, и выходит, что каждый из 13 членов звена получит в среднем сверх обычной оплаты еще по четыре с половиной центнера зерна. Солидно. По-богатому. Да к тому же еще и награды...

* * *

Афонина шла к селу мимо посадки и все останавливалась. Прислушивалась. К девичьей ли песенке, к постуку ль движка? Казалось ей, будто в сказке это: и самый шум движка и молотилки, и плеск ремня трансмиссии в воздухе, и свет лампы в поле, и провода, перекинутые через Свапу от мельницы... А у посадки — завес темной ночи с ноготком, только что народившегося и беспомощно затерявшегося в тополевой листве месяца, небольшое глухое пространство, которое хочется поскорее пробежать. А впереди, над высоким берегом реки—снова огни, огни— в окнах домов и на улицах, голос радио и зовущие плавные звуки баяна...

* * *

В эту ночь Афонина долго не смыкала глаз. Лежа на широкой кровати под цветастым пологом, перебирала она свою жизнь: год за годом все семь лет работы звеньевой, первые неудачи, успехи, первые премии, подружек по звену, старых и молодых, только теперь, в год организованного партией развернутого наступления за под'ем сельского хозяйства, проявивших во-всю свои способности, свой трудовой талант, свою любовь к земле; без них чего достигла бы одна Афонина? Прекрасна такая жизнь: дружная, озаренная смелой мечтой! Такой мечтой, в которой пока что можно лишь самой себе признаться.

В селе огни, огни... водопровод... кирпичные дома, утопающие в зелени... по солнечным взгорьям виноградники, бахчи... липовой аллеей мчится по асфальту к станции автомобиль... поезд, с одними мягкими сиденьями, быстро переносит ее, Афонину, в столицу на вечерний субботний спектакль в Большом театре...

* * *

Гуси, сонно отряхиваясь, подошли к калитке и начали гоготать, требуя выпустить их на жнивье. Афонина, хозяйка их, открыла им с улицы. Она была в садике, которому отдает самые первые минуты своего рабочего дня. Садик перед домом, по склону горы,—это немалая гордость ее. Тут все молодое, все посажено ею. Вишни, сливы, яблонки-боровинки, давшие первые плоды, черношлив, малина, всего понемножку.

А вот и высокий густой куст винограда. Как он попал сюда с юга? Позапрошлой осенью свекровь привезла из Бессарабии пятнадцать сухих виноградных прутиков. До весны они пролежали в погребе в ямке, в апреле почки на них готовились, посаженные в землю все принялись, и уже в прошлом году колхозники попробовали вкус сочных синеватых на цвет ягод. Но зиму и нашествия птиц перенес лишь один куст. И вот он разросся пышно, огорожен ивовым тынком, чтоб куры не поклевали, ветвям тяжко от гроздьев, ниспадающих к самой земле.

Рука Афониной бережно опускает росистые ветви: под их матовой листвою примерно десять килограммов урожая. Вот дела-то какие! Виноград! А раньше в селе даже огурцов не растили, капусту покупали, теперь же и помидоров девать некуда. А пройдет еще пять —восемь лет?

Все можно достигнуть мудрым трудом, ибо нет еще предела тому, что способна дать человеку щедрая курская земля...

— Ивановна!—Тимашева, мать семерых детей, награжденная медалью «Материнская слава», выглянула из-за плетня.—Я за тобой. Пора, чай.

— Рано ты вышла нынче, Марья,—ответила звеньевая с мягкой суровостью.—Посиди еще дома, а мы до полдня без тебя управимся.

Острой обидой вспыхнули, сузившись, глаза старой женщины.

—Я ли не работаю, не покладая рук, и рано и поздно, никогда не упущу и не отстану, с чего это мне отдыхать?

Афонина с ласковой улыбкой взяла ее под руку и они пошли в лад по улице. Речная долина внизу тонула в тумане и двенадцать электрических ламп то там, то здесь еще светили перед домами.

Орест РОВИНСКИЙ.

Колхоз «Путь Ильича».
Дмитриевского района.